

3. Donec P. Der nationalkulturelle Aspekt der Fachsprachen / Das Wort. Germanisches Jahrbuch. М., 1992.
4. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М., 1991.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1983.
6. Крикман А.А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы / Паримиологические исследования. М., 1984.
7. Паримиологические исследования. М., 1984.

Словари

1. Röhrich L., *Sprichwörtliche Redensarten*. 1986.
2. *Sprichwörterlexikon*, Leipzig, 1985.
3. *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1985.
4. *Русские народные пословицы и поговорки*. М., 1958.
5. *Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок*. М., 1974.

М.В.Самсонова

Санкт-Петербургский госуниверситет

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДРЕВНЕГО ИМЕНИ

Real names tell you the story of the things they belong to.

J.R.R. Tolkien "The Two Towers"

Вряд ли можно представить себе жанр, более тесно связанный со своим адресатом, чем устная эпическая поэзия. Наблюдая за исполнением эпических сказаний в культурной среде, сохранившей устную традицию, мы убеждаемся, насколько важно для самого существования этой традиции присутствие внимательного, заинтересованного и подготовленного слушателя. Можно сказать, что аудитория участвует в создании эпического произведения наравне с певцом: именно она заставляет сказителя делать повествование сжатым или, наоборот, пространным и полным отступлений, заставляет останавливаться на деталях или лишь намекать искусственному слушателю на знакомые ему события эпического прошлого.

Слово, обращенное к слушателю из глубины эпической традиции, было целостным и самодостаточным. Будучи наполненным богатейшими звуковыми и смысловыми ассоциациями, оно одновременно несло информацию, поэтизировало, передавало оттенки отношения к

произнесенному. Таким словом, индивидуализирующим, героизирующим и характеризующим эпического персонажа, племя, страну или эпически важный предмет, было имя.

Так что же несло в себе для англосаксонского слушателя это эпическое имя, в котором непосвященные представители другой, письменной культуры, утратившие дар непосредственного восприятия устного слова, слышали лишь "лягушачье кваканье и резкие выкрики птиц"? [1]

Эпические сказания переносили англосаксонского слушателя в мир далекой, но еще доступной эпической памяти старины, где каждое слово, уходящее корнями нередко в индоевропейскую эпоху и давно вышедшее из употребления в обиходном языке, овеянное ореолом архаики, приобретало незнакомую прозаической речи значимость. Особое внимание привлекало к себе имя собственное: представляя собой в большинстве случаев композит, оно занимало не менее половины краткой строки и, выделенное аллитерацией и сильным ударением, составляло как бы семантическую вершину стиха и обладало почти магической силой.

Более трех четвертей собственных имен в поэме двухосновны, что можно объяснить как древнегерманской ономастической традицией, так и требованиями аллитерационного стиха. Однако в контексте устной эпической культуры сама двухосновная форма имени, повторяющая структуру чрезвычайно часто употребляющихся в поэзии сложных слов, приобретает для аудитории определенную эстетическую ценность. Как считает О.Краков, "постепенно ухо англосаксов привыкло к сложным словам, и сама по себе их двучленность стала уже ощущаться как красота формы" [2, 19], то есть, вероятно, сложное слово и, в частности, сложное имя, стало восприниматься как неотъемлемая черта стилистической песни.

Выделенные сильным ударением и подчеркнутые аллитерацией корневые морфемы заставляют певца задуматься о глубинном этимологическом значении именных основ, свою интерпретацию которых он должен донести до взыскательной аудитории. Будучи наследием очень удаленного от слушателей поэмы прошлого, поэтическое имя собственное было не произвольным соединением благозвучных и "благозначимых" именных компонентов, а обладало информативным и поэтизирующим назначением. Поэтому семантика имени собственного всегда прозрачна, а стиравшаяся внутренняя форма имен чужеземных вождей обязательно восстанавливается в поэме, и имя продолжает сообщать новому поколению слушателей нечто очень важное как о своем носителе, так и о самом мире героических сказаний.

Эпическая история соткана из славных побед и жестоких поражений, доблестных воинских подвигов и беспощадных поединков. Поэтому неудивительно, что называя действующих лиц поэмы - героев, о которых нам часто ничего, кроме имени, неизвестно, - сказитель подбирает хорошо знакомые древнеанглийскому слушателю основы воинственного и героического содержания. В состав имени героя нередко входят собственно основы со значением "война": Heaþolaf (heaþo 'война'+laf 'наследие'), Hæðcun (heaðu + cun(n) 'нация, народ'), Wiglaf (wig 'война'+laf), Guðlaf (guð 'война'+laf). Очень часто в качестве первого или второго компонентов имени война сказитель употребляет основу here со значением 'армия, войско': Ælfhere (ælf 'эльф'+ here), Æschere (æsc 'копье'+ here), Herebeald (here + beald 'смелый, отважный'), Heremod (here + mod 'дух, душа, сердце'), Hereric (here + rice 'могущественный'), Ohthere (oht 'преследование, погоня' + here). Употребляются в именах и основы hild 'битва', sigе 'победа', mund 'рука; защита': Hildeburh (hild + burh 'укрепленное место'), Sigemund (sigе + mund), Hroðmund (hroð 'слава'+mund). Очень многие именныe основы называют различные предметы вооружения: Æschere (æsc 'копье'+ here), Garmund (gar 'копье'+ mund), Hroðgar (hroð 'слава' + gar), Heoroweard (heoro 'меч' + weard 'страж'), Ecglaf (ecg 'меч' + laf), Ecgþeow (ecg + þeow 'слуга'), Ecgwela (ecg + wela 'богатство'). Среди одноосновных имен в поэме мы встречаем имя Scyld (scyld 'щит'). Возможно, певец образовал это имя от родового названия Scyldingas ('люди щитов'), чтобы обозначить мифического родоначальника племени и тем самым напомнить своим слушателям, что в эпическом прошлом, как и полагается настоящей истории, все упорядочено и четко, все имеет свое начало и свой конец.

Как видим, образ мыслей и высшие идеалы людей прошлого непременно в какой-то степени отражались в создаваемых ими именах [3]. В именах древнегерманских вождей сказитель превозносит высшие ценности героического мира, унаследованные и принятые его современниками - силу и смелость, мудрость и способность дать хороший совет: Heardred (heard 'смелый, сильный, отважный' + gæd 'совет'), Herebeald (here + beald 'смелый, отважный'), Froda (frod 'старый, мудрый'). Основы нескольких имен имеют значение 'дух, душа, сердце.' Употребление этой основы, означающей некую внутреннюю силу, в составе личного имени особенно характерно для эстетики эпической поэзии, где герой "безогляден и чрезмерен в своих поступках, а слово ofermod ("избыточный дух") служит высшей похвалой такому герою, как Беовульф" [4, 216]; недостаток же духа и здравого смысла влечет за собой трагические последствия: Heremod, Modþrūdo, Hygelac (hyge 'дух, душа, сердце; мысль'+ las 'раздор, несогласие').

Волк и ворон - неизменные символы войны в древнегерманской поэзии. В составе имени названия этих и некоторых других "зверей битвы" очевидно ассоциировались у слушателей с понятиями воинской доблести и сноровки: Dæghrefn (dæg 'день'+ hrefn 'ворон'), Wulf (wulf 'волк'), Offa (< Wuffa 'волк'), Wulfgar (wulf + gar), Eofor (eofor 'кабан').

Чаще других в двухосновных личных именах поэмы в качестве второго компонента используется основа *laf* со значением 'то, что осталось; наследие'. Вероятно, такая распространенность этой основы в поэтических именах связана с представлением древних германцев, что какой-либо предмет, перешедший в чье-либо пользование от прежнего удачливого хозяина, подобно мечу и кольчуге Беовульфа - "наследию Хределя" (Hrædlan *laf*) (455), принесет удачу и своему новому владельцу: Ecg*laf* (ecg 'меч'+ *laf*), Hun*lafing* (*hun 'высокий'+ *laf* + -ing), Oslaf (os 'языческий бог'+ *laf*). В некоторых случаях эту основу в составе сложного имени воина можно интерпретировать и как "то, что осталось; тот, кто остался": Guð*laf*, Heað*laf*, Wig*laf* - "тот, кто остался после боя, выживший в битве".

Важную роль в эпической поэзии играет мотив сокровища, приносящего одним - богатство, могущество и власть, другим - проклятье и гибель. О богатстве и власти говорят многие древнегерманские именны компоненты: Eadgils (ead 'богатство'+ gis(e)l 'заложник, залог'), Ecgwela (ecg + wela 'богатство'), Eormenric (eormen 'огромный, безмерный, необъятный'+ rice 'могущественный'), Wīðergyld (букв. 'воздаяние, вознаграждение').

Однако цель эпического героя - вовсе не в накоплении сокровищ. Его задача - оставить по себе долгую и громкую славу: "ибо для воина лучшая плата - память достойная!" ("Беовульф", с.1388-1389) Не случайно именной компонент *hroð* / *hreð* со значением 'слава' - самый частый в именах представителей датской королевской династии, которой восхищается и которой сочувствует англосаксонский сказитель: Hroþmund, Hroþgar, Hroþulf, Hreðric, Hreðel.

Традиция давать членам одного рода имена, аллитерирующие между собой или варьирующие одну из основ, строго соблюдалась древними германцами [5]. Однако даже на фоне этой устойчивой традиции подчеркивание родства героев поэмы сходством их имен выделяется особой тщательностью и последовательностью. Из десяти представителей мужской линии датской королевской семьи восемь названы именами на *H-*, причем основа *hroð* / *hreð* связывает между собой четыре имени, а основы *heoro-* и *-gar* - по два. Не включены в аллитерацию лишь имена легендарных основателей династии Скильда Скевинга и Беовульфа I, которые очевидно уже в англосаксонскую эпоху воспринимались как фигуры мифические. Нет исключений в

следовании аллитерационным традициям своего рода в именах персонажей поэмы, представляющих другие королевские династии: все пять названных гаутских конунгов носят имена на Н-, в шведской же династии доминирует аллитерация на гласный.

В поэтической культуре, где аллитерация не только организует стих, но и является основным показателем родства, ее отсутствие не может быть лишено значения. Исключенным из общей аллитерационной системы оказывается имя главного героя поэмы - Беовульфа. Он один в поэме носит имя, не имеющее сходства ни с именем его отца, Эгтеова, ни с именами кого-либо из более дальних родственников. Уже одно это обстоятельство дало ученым повод отрицать историчность персонажа с таким именем. Предполагается, что 'Беовульф' - это кеннинг с возможным значением 'пчелиный волк' (Beo-wulf, Bio-wulf=ON Vjolfr) [6], который певец, может быть, и сам того не зная, употреблял вместо настоящего имени героя [7, 213-215].

Привлекающая к себе внимание современных филологов обособленность имени главного героя поэмы, конечно, не могла не ощущаться и англосаксонской аудиторией, хорошо знакомой с правилами эпического повествования. Кеннинг 'пчелиный волк' скорее всего обозначал медведя - царя зверей у древних германцев [8, 667]. Даже первое упоминание этого имени заставляет слушателя почувствовать, что его носитель - конунг среди конунгов - займет в поэме ведущее место, оттеснив других героев на второй план. Человек, чье превосходство над остальными людьми заложено уже самим именем, совершенен во всем: он выделяется силой, могуществом и величием даже среди своей доблестной дружины, никто не может сравниться с ним в смелости, благородстве и мудрости. Но в своей величии он недостижим, обособлен и одинок. Его имя не связано ни с каким другим, и сам он, прославленный единоборец, приходит в мир как будто ниоткуда и покидает его, не оставив потомства, а вслед за ним исчезает с лица земли и его племя. Имя Беовульфа не связывается с названием его страны или его народа, и для слушателя фигура его, не принадлежащая никому, перерастает династические и национальные рамки и приобретает общечеловеческую значимость.

Среди этнонимов поэмы обращают на себя внимание составные названия племен, в которых к собственно наименованию прибавляется на первый взгляд избыточный компонент, не имеющий прямой связи с называемым: Gar-Dene ('копье-датчане'), Hring-Dene ('кольцо-датчане'), Ar-Scyldingas 'честь-скильдинги', Guð - Scilfingas ('война-скильфинги'), Heaðo - Scilfingas ('война-скильфинги'). Конечно, наличие в поэтическом языке большого числа взаимозаменяемых начальных компонентов сложных слов было очень удобным средством аллитерационного

стихосложения. Однако вряд ли устная традиция могла позволить себе на протяжении столетий воспроизводить удобные, но лишённые значения элементы. М.И.Стеблин-Каменский предполагает, что такие сложные наименования могли возникнуть на той стадии развития языка, когда название отвлеченного признака, то есть имя прилагательное, еще не дифференцировалось от названия вещи, то есть имени существительного, и когда слово обозначало не совокупность признаков, присущих данному предмету или явлению, а лишь один из них [9, 4-39]. Таким образом, в древние времена такой компонент сложного имени должен был восприниматься как инкорпорированный в слово украшающий эпитет и мог соответствовать современному качественному прилагательному, выражающему один из признаков предмета: *Gar-Dene* 'воинственные датчане', *Ar-Scyldingas* 'славные скильдинги' и т.п. Когда же эта стадия развития языка осталась далеко позади, для слушателей поэмы эти ставшие непонятными первые компоненты сложных слов и, в частности, сложных наименований, помимо налета архаичности и традиционности, продолжали придавать поэтическим названиям племен и неопределенное усилительное значение героического характера, которое подхватывалось и подкреплялось контекстом [10, 120-134].

У нас нет оснований сомневаться в том, что в англосаксонскую эпоху сложное имя составлялось произвольно из изблюбленных в данной семье именных основ, без учета семантического содержания имени в целом. Поэтическое же имя - сохраненное англосаксами наследие более раннего этапа развития языка и мышления - никак не могло быть набором основ, указывающих лишь на принадлежность героя к какому-либо роду или племени. На материале древнеисландской поэтической топонимии М.И.Стеблин-Каменский устанавливает, что "сама сущность имени собственного, его способность к денотативности, складывается постепенно, то есть имеет историю" [11, 99-104]. В эпоху, когда складывалась эпическая поэзия, имя собственное еще не могло быть "развоплощенным" [12, 8], то есть существовать отдельно от своего денотата. "Тенденция к осознанию имени собственного как мотивированного своим денотатом (которая в той или иной форме существует всегда) должна была быть особенно сильной. Имя собственное могло осознаваться даже как воздействующее на свой денотат" [13, 101].

Так, например, неотделимо от своего носителя имя Гренделя (*Grendel* < **grandil*, fr. **grand* 'песок; земляное дно под водой'), которое не только называет враждебное человеческому миру чудовище, но и, характеризуя его, составляет с ним одно целое: *þone on geardagum Grendel nemdon folbuende* (1354) 'народ издревле прозвал его Гренделем'.

Неразрывно связано со своим денотатом и имя знаменитого меча Унферта - Хрунтинг (Hrunting < ON (OE) hrinda(n) 'вонзать, наносить удар'). По мнению Кемпа Малоуна, характеристика жены Хигелака - Хюгд - строится исключительно на этимологическом значении ее имени (ge-hygd 'размышление, обдумывание'), равно как и противопоставление этой разумной и кроткой героини поэмы властной и гордой владычице англов Трюд (Модтрюдо), чье имя Малоун истолковывает как 'сила, власть' [14, 181-188], а также и противопоставление Хюгд ее собственному мужу, легкомысленному Хигелаку (Huge-lac 'смятение мыслей') [15, 200-203].

В статье "Текстообразующие функции сложного имени" Н.Ю.Гвоздецкая обращает внимание на одну из специфических особенностей древнеанглийского поэтического наименования - его способность заключать в себе свернутое высказывание и служить таким образом способом хранения информации при передаче традиции. Гвоздецкая сравнивает такие сложные слова с "узелками на память", подсказывающими певцу, что еще можно или необходимо рассказать об упомянутом герое или предмете [16, 42-48]. Вероятно, такой способностью хранить в себе свернутый рассказ обладало и поэтическое имя собственное. Неотделимое от обозначаемого им объекта, древнее имя может как воздействовать на поступки своего денотата, описывать его свойства, так и рассказывать его историю. Так, королева датчан, которую Хродгар выбрал из племени Хельмингов, получает в поэме имя Wealhðeow ('чужеземный пленник'). Вероятно, это поэтическое имя, напоминающее слушателям о происхождении героини, родилось из одного из эпитетов, относящихся к датской королеве, и впоследствии вытеснило ее настоящее имя, которое в параллельных скандинавских источниках имеет форму Uthr, Authr. Кемп Малоун предполагает, что эпитет Wealhðeow первоначально принадлежал приемной дочери Хальфдана, чье имя восстанавливается как Yrsa, и впоследствии по недоразумению перешел к его невестке. В скандинавской традиции Урса была захвачена в чужом племени [17, 157]. Таким образом, и в случае путаницы в родственниках Хальфдана (имя которого, кстати, тоже сообщает о его происхождении - известно, что он был датчанином лишь наполовину), возникшей из-за недоразумения при передаче сюжета, информация, передаваемая слушателям в возникшем из эпитета имени, содержательна и правдива.

Уверенность в достоверности сообщаемого была одним из неперенных требований, предъявляемых англосаксонской аудиторией к героическому повествованию. События, происходящие в эпическом пространстве, воспринимались древними англичанами как несомненная истина и становились их историей. И в самом деле, многие сюжеты

героической поэзии отражают действительные исторические события, память о которых передавалась из поколения в поколение. В таких случаях наравне с сюжетом традиция могла сохранить потомкам и настоящее имя действующего лица, что, казалось бы, должно было лишить певца возможности вкладывать в имя собственное необходимое поэтическое содержание. Однако, как показывает богатая традиция интерпретации имен собственных, пришедших к англосаксам из библейских или исторических источников в уже "готовом" виде, в распоряжении исполнителя всегда остается возможность обыгрывать угадываемое им этимологическое значение имени таким образом, чтобы оно соответствовало характеру и поступкам героя [18].

Очевидно, сказитель редко оставлял эту возможность без внимания, поскольку "такой тип литературной ономастики чрезвычайно подходил бы эпохе, когда этимология была не второстепенной областью филологических интересов, а скорее доминирующим образом мышления" [19].

Итак, многогранность информации, заключенной в древнем поэтическом имени, позволяет слушателям получить представление не только о фигурах исторического масштаба, но и о третьестепенных персонажах, упомянутых лишь вскользь. Даже однажды названные персонажи не остаются безликими: ведь уже само имя дает аудитории понять, идет ли речь о славном конунге или рядовом воине, какому племени или роду он принадлежит, а также и то, чего можно ожидать от носителя имени: ратных подвигов или предательства, мудрых речей или распри. Любое имя может развернуться в рассказ и, наоборот, история персонажа может быть заключена в его имени. Называя героев поэмы по именам, сказитель населяет ими эпическое пространство, создавая логичную, объемную и почти правдоподобную картину героического мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. Otto Jespersen. *Growth and Structure of the English Language*. Oxford, p.20; здесь же приводится и такое мнение римского очевидца: "Их имена подобны реву боевых труб, а их свирепость наполняет ужасом даже сами их слова."
2. Krackow O. *Die Nominalkomposita als Kunstmittel im altenglischen Epos*. Diss. Berlin, 1903.
3. См. Вяч.Иванов, В.Н.Топоров. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древнейший период)*. М., 1965.
4. О.А.Смирницкая. *Поэтическое искусство англосаксов*. В кн.: *Древнеанглийская поэзия*. М., 1982.

5. О традициях древнегерманского именования и об их соблюдении в древнеанглийских королевских династиях см.: H. Bosley Woolf. *The Old Germanic Principles of Name-Giving*. Diss., Baltimore, 1936.

6. Предложенные варианты интерпретации имени героя см.: Klaeber, 1968, p. xxvii.

7. На основании аллитерации Вулф делает предположение, что настоящим именем героя поэмы может быть Эльфхере (*Ælfhere*), упоминающееся как имя родственника Виглафа в строке 2604a; Woolf, 1936.

8. Jacob Grimm. *Teutonic Mythology*. London, 1882-1888.

9. М.И.Стеблин-Каменский. Субстантивный эпитет в древнеанглийской поэзии / Историческая поэтика. Л., 1978.

10. О взаимовлиянии поэтических этнонимов и их контекста см.: W.F. Bryan. *Epithetic Compound Folk-Names in "Beowulf"* / *Studies in English Philology in Honor of Frederick Klaeber*. Minneapolis, 1929.

11. М.И.Стеблин-Каменский. Древнеисландская топонимика как материал к истории имени собственного / Скандинавский сборник, XIV. Таллинн, 1969.

12. Терминология А.Гардинера - A. Gardiner. *The theory of proper names*. 2nd ed., London, 1954.

13. Стеблин-Каменский, 1969.

14. Kemp Malone. "Hygd" / *Modern Language Notes*. LXI, 1941; см. также его "Royal Names in Old English Poetry" / *Studies in Heroic Legend and in Current Speech*, ed. Stefan Einarsson, Norman E. Eliason. Copenhagen, 1959.

15. R.E. Kaske. "Hygelac" and "Hygd" / *Studies in Old English Literature in Honor of Arthur G. Brodeur*, ed. Stanley B. Greenfield. Eugene, Oregon, 1963.

16. "[Поэтический композит] содержит в себе зародыш рассказа. Он приглашает к развертыванию в сообщении и одновременно может выступать средством запечатления рассказа в образе." Н.Ю.Гвоздецкая. Текстобразующие функции сложного имени / *Атлантика*. М., 1995.

17. Kemp Malone. "The Daughter of Healfdene" / *Studies in English Philology in Honor of Fr. Klaeber*, 1929.

18. Подобным образом поступали англосаксонские интерпретаторы библейских и германских имен. В древнеанглийской Библии, как и в поэмах религиозного содержания, например, само имя персонажа нередко заменяется переводом или пересказом его этимологического значения, которое непременно обыгрывается контекстом. Чем больше значений можно было прочесть в одном имени, тем многограннее и значительнее представлялась фигура его носителя. О значении этимологического содержания имени и его интерпретации в древнеанглийской письменной культуре см.: Fred C. Robinson. *The Significance of Names in Old English Literature* // *Anglia* N 86, 1968.

19. Robinson, 1968, p. 14-15; см. также Ernst Robert Curtius. *Etymology as a Category of Thought* в его книге *European Literature and the Middle Ages*, пер. на англ. Willard R. Trask. New York, 1953, pp. 495-500